УДК 316.32

Виталий Игоревич Попов
(г. Москва) — кандидат юридических наук, доцент каферы теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя (117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12), старший научный сотрудник Центра исследований права и культуры Юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (119049, Россия, г. Москва, Мароновский переулок, д. 26)
E-mail: popov.vitaliy.law@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2088-247X

Кирилл Алексеевич Ситников
(г. Москва) — кандидат юридических наук, доцент кафедры терии государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя (117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12), старший научный сотрудник Центра исследований права и культуры Юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (119049, Россия, г. Москва, Мароновский переулок, д. 26)
E-mail: kirillsa@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6247-969X

Власть, право и общество в Шире: культурологический и теоретико-правовой анализ волшебного мира Дж. Р. Р. Толкина

Аннотация. *Актуальность статьи обусловлена кризисом современного юридического образования, характеризующимся формально-догматическим усвоением знаний без их должного осмысления, и необходимостью поиска эффективных инструментов его преодоления. Предмет исследования — политико-правовое устройство Шира (страны хоббитов) в легендариуме Дж. Р. Р. Толкина. Цель работы — анализ организации власти, права и общества в Шире, а также раскрытие дидактического потенциала сказочно-фэнтезийных нарративов в юридическом образовании. Методология базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем теоретико-правовой, культурологический, сравнительно-исторический и нарративный анализ. Основные результаты: выявлено, что Шир представляет собой уникальную модель негосударственной политико-правовой организации, сочетающую элементы общинной демократии, традиционного правопорядка и «мягкой аристократии»; определены особенности институтов власти, правовой системы, основанной на добровольном соблюдении древних Правил, и специфика поддержания порядка при минимальном аппарате принуждения. Область применения результатов: юридическое образование (дисциплины*

© Попов В. И., Ситников К. А., 2026

теоретико-исторического блока), а также междисциплинарные исследования в русле направления «право и литература». Выводы: анализ модели Шира позволяет выявить альтернативные государству формы политико-правовой организации, где право функционирует преимущественно как добровольный традиционный порядок, поддерживаемый коллективной памятью и культурной однородностью, а не аппаратом принуждения, демонстрируя как потенциал, так и границы подобного устройства; предложенная аналитическая модель подтверждает эвристическую ценность сказочно-фэнтезийных нарративов как «интеллектуальных лабораторий» для осмысления фундаментальных государственно-правовых явлений.

Ключевые слова: *государство, право, власть, общество, политическая организация общества, правовая система, юридическое образование, нарратив, Властелин Колец.*

Финансирование. *Это исследование не получало внешнего финансирования.*

Vitaly Igorevich Popov
(Moscow) – Candidate of Legal sciences, Associate Professor of Theory of State and Law department, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina St 12), Senior Research Fellow, Center for Research on Law and Culture, Faculty of Law, State Academic University for the Humanities (119049, Russia, Moscow, Maronovsky Lane 26)
E-mail: popov.vitaliy.law@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2088-247X

Kirill Alekseevich Sitnikov
(Moscow) – Candidate of Legal sciences, Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina St 12), Senior Research Fellow, Center for Research on Law and Culture, Faculty of Law, State Academic University for the Humanities (119049, Russia, Moscow, Maronovsky Lane 26)
E-mail: kirillsa@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6247-969X

Power, Law, and Society in the Shire: A Cultural and Legal-Theoretical Analysis of J.R.R. Tolkien's Wizarding World

Abstract. *The relevance of the present paper is determined by the crisis in modern legal education, characterized by formal and dogmatic assimilation of knowledge without its proper understanding, and the need to find effective tools to overcome it. The subject of the study is the political and legal structure of the Shire (the country of the hobbits) in the legendarium of J. R. R. Tolkien. The aim of the work is to analyze the way power, law and society are organized in the Shire, as well as to reveal the didactic potential of fairy-tale and fantasy narratives in legal education. The methodology is based on an interdisciplinary approach, combining theoretical and legal, cultural, comparative-historical and narrative analysis. Key results: the author reveals that the Shire represents a unique model of a non-state political and legal organization, combining elements of communal democracy, traditional legal order and «soft aristocracy»; the features of the institutions of power, the legal system based on voluntary observance of ancient Rules, and the specifics of maintaining order with a minimal apparatus of coercion are determined. The application of the results: legal education (disciplines in the theoretical and historical block), as well as interdisciplinary research in the field of «law and literature.» The author comes to the*

following conclusions: analysis of Shear's model allows us to identify alternative forms of political and legal organization to the state, where law functions primarily as a voluntary traditional order supported by collective memory and cultural homogeneity, rather than by coercion, demonstrating both the potential and the limitations of such a structure. The proposed analytical model confirms the heuristic value of fairy-tale and fantasy narratives as «intellectual laboratories» for understanding fundamental state and legal phenomena.

Keywords: *state, law, power, society, political organization of society, legal system, legal education, narrative, The Lord of the Rings.*

Funding. *This research did not receive external funding.*

Введение. В последние годы в социогуманитарной науке наблюдается новый (или, точнее будет сказать, обновленный) виток попыток поставить более точный диагноз состоянию современного общества, в котором мы пребываем. Закономерным итогом таких научных изысканий, как правило, выступает экспертное заключение, что «пациент» находится в состоянии некоего кризиса. При этом подобного рода кризисы, учитывая многоплановость общественной жизни и, как логичное следствие, научных ракурсов ее рассмотрения («диагностирования»), предстают в самых разных формах: это и кризис науки и образования, и кризис цивилизации, и кризис культуры, и кризис идентичности, и кризис личности и сознания, и кризис ценностей и т. д. Результатом всех этих кризисов в той или иной степени выступают самые разные состояния (диагнозы): «общество спектакля», «общество потребления», «общество усталости», «эпоха выгорания», «эпоха утраченных смыслов», «эпоха клипового мышления» и т. п.

В современном образовании, в частности, нас интересует вопрос состояния юридического образования, которое, и здесь авторы не претендуют на роль первооткрывателей, также пребывает в некотором кризисе. В самом общем виде указанный кризис (одно из его наиболее ярких проявлений) можно представить как формально-догматическое (механическое) усвоение суммы юридических знаний, исключающее какое-либо их осмысление, оценку и последующее преобразование в осознанное действие в правовой практике. В связи с этим представляется вполне целесообразным предпринять попытку по преодолению известного «разрыва» между подобным способом усвоения необходимых знаний (и, к сожалению, преобладающим в последнее время) и формированием целостного понимания социальных, политических, правовых и других реалий. Одним из способов решения обозначенной проблемы видится обращение к междисциплинарному подходу (как в рамках научной, так и методической составляющей). В этом контексте особую методологическую и дидактическую ценность, на наш взгляд, приобретает практика обращения (в разумных пределах) к нарративам художественной литературы, в частности жанров сказки и фэнтези, для иллюстрации и последующего осмысления фундаментальных политико-правовых вопросов. Ведь как было обосновано нами в более ранних исследованиях, вымышленные миры («Вторичные Миры» [1, с. 132]), обладая внутренней логикой и структурной целостностью (указанная характеристика больше применима к жанру фэнтези), выступают не просто аллегорическим (или метафорическим) фоном, в параметрах которого разворачивается захватывающий сюжет, а становятся полноценными «интеллектуальными лабораториями» для анализа природы и сущности государства и права, а также производных от них других государственно-правовых явлений [2; 3]. Считаем, что данный подход всецело укладывается в русло актуальных требований к современному социогуманитарному знанию, которое, как справедливо отмечает А. В. Малько, все настоятельнее требует междисциплинарности, способной интегрировать инструментарий различных наук для адекватного познания усложняющейся социально-правовой реальности [4, с. 76]. Таким образом, анализ вымышленных миров становится не просто иллюстративным приемом, но и частным случаем реализации междисциплинарной исследовательской программы в юридической науке и образовании.

При этом следует отметить, что данное направление представляется не только перспективным, но и по-настоящему нуждающимся в дальнейшей конкретизации и углубленной проработке. С одной стороны, речь идет о содержательном наполнении, ведь обозначенные в самом общем виде теоретические положения о педагогическом и эвристическом потенциале фэнтезийных вселенных в действительности требуют верификации

на материале детального анализа репрезентативного примера, позволяющего перейти от простой декларации междисциплинарных возможностей к качественной демонстрации их практической реализации в образовательном процессе. С другой стороны, требуется научная разработка специализированных методов и форм проведения учебных занятий, основанных на иллюстративном материале сказочно-фэнтезийных нарративов. В своей совокупности такой анализ призван выявить, каким образом тщательно проработанный «Вторичный Мир», будучи спроецированным на сложно организованную материю юридической науки, способствует решению таких ключевых дидактических задач, как: преодоление формально-бюрократического мышления, развитие воображения и критического мышления, а также формирование у будущих юристов способности к сравнительному анализу.

Одним из наиболее подходящих объектов для осуществления подобного рода исследования выступает творчество Дж. Р. Р. Толкина, чье эпическое наследие давно перешагнуло границы литературного феномена, став предметом серьезных научных дискуссий в области философии, истории, политологии, культурологии, литературоведения и лингвистики. Однако его потенциал, в первую очередь потенциал романа «Властелин Колец», именно для юридического образования раскрыт далеко не полностью. В целях последовательного заполнения обозначенной лакуны и перевода общих идейных и методологических установок в плоскость предметного анализа, настоящая работа сосредоточивает внимание на одном из центральных и, на наш взгляд, наиболее интересных с юридической точки зрения элементов Средиземья – Шире, стране хоббитов.

Шир: уникальная модель негосударственной политико-правовой организации общества. Шир, или, как его еще называют в других русских переводах, Хоббитания, Хоббитшир, Заселье[*], является тем самым местом (основным регионом), где, согласно повествованию Дж. Р. Р. Толкина, издавна проживают хоббиты.

Последние же представляют собой весьма миролюбивый народ, чья жизнь в Шире строится на простоте, традициях и минимальном вмешательстве в «большие» дела Средиземья. По большей части они ориентированы на сельское хозяйство, семейные ценности и наслаждение простыми радостями жизни, такими как еда, питье, курительное зелье и празднества. Хоббиты стараются избегать конфликтов, приключений и всего того, что нарушает их размеренный ритм жизни. Так, в «Прологе» к роману «Властелин Колец» указывается, что «Хоббиты – народец не очень приметный, но весьма древний и некогда довольно многочисленный, не то что в наши дни, – дело в том, что они любят тишину, покой и тучные, хорошо разработанные земли, поэтому обычно выбирают для житья местность, где можно содержать сельское хозяйство в образцовом порядке и вести его по всем правилам» [5, с. 221]. Дж. Р. Р. Толкин любил свое творение (хоббитов) и в каком-то смысле даже сам считал себя хоббитом: «Вообще-то я – хоббит (во всем, кроме роста). Я люблю сады, деревья, земли, обработанные вручную, без помощи машин; я курю трубку, люблю вкусную, простую пищу (незамороженную)... люблю (и даже смею носить в наши бесцветные дни) вышитые жилеты. Люблю грибы (прямо с поля); чувство юмора у меня незамысловатое (даже мои благосклонные критики находят его утомительным); ложусь я поздно, встаю тоже поздно (по возможности). Путешествую мало» [6, с. 423]. Вероятно, именно по этой причине взгляды, идеалы и ценностные установки Дж. Р. Р. Толкина нашли свое основное отражение в укладе (социально-политической структуре) и образе жизни хоббитов в Шире – в его «мечте о первозданном мире» [7, с. 14].

Говоря же о Шире в самом общем виде, отметим, что он устроен довольно просто и не обладает сложной системой управления и, соответственно, социального регулирования, в отличие от ряда других политических образований Средиземья, таких, например, как Гондор или Рохан.

Шир довольно сложно назвать государством в традиционном, общепринятом (формально-юридическом) смысле, т. к. он не в полной мере соответствует классическому определению, которое изучается обучающимися в рамках учебной дисциплины «Теория государства и права». На первый взгляд, Шир обладает рядом признаков, присущих тому,

* Далее по тексту мы будем использовать более привычное для нас наименование «Шир», за исключением случаев, когда приводятся цитаты из издания в русском переводе В. Каррика и М. Каменкович.

что в современной юридической науке принято считать государством: он имеет четко очерченную территорию, население (хоббиты) и определенные правила, которые, как указывается в тексте книги, восходят к временам королей и соблюдаются добровольно. Однако при более глубоком рассмотрении особенностей Шира становится очевидно, что перечисленных признаков для отнесения его к государству недостаточно. В Шире отсутствует централизованная и суверенная власть, что является одним из ключевых атрибутов государства, а также внешняя политика (дипломатические отношения с внешним миром) и аппарат принуждения (в тексте присутствует его описание, когда речь идет, например, о Сторожевой Службе, если подобное вообще можно считать аппаратом принуждения, учитывая функционально-должностные рамки Шерифов, но только этим все и ограничивается). Так, одно из немногих, если не единственное, упоминание о взаимодействии хоббитов с внешним миром и их, скорее, символическом участии в военных событиях содержится в «Прологе»: «Правда, на последнюю битву при Форносте, против Ангмарского чародея, хоббиты выслали на помощь Королю небольшой отряд лучников* (по крайней мере так они уверяют), но в легендах людей упоминаний об этом нет – а если и были, не сохранились» [5, с. 227]. Вместе с тем известный немецкий ученый М. Вебер, давая определение государству, особое внимание обращает именно на наличие у него аппарата принуждения. В одной из своих работ он указывает: «Государством будет называться непрерывно действующее политическое учреждение, управляющий штаб которого успешно реализует монополию легитимного физического принуждения ради утверждения его порядков» [8, с. 110]. Вместо этого хоббиты поддерживают систему самоуправления, основанную на клановой структуре и минимальных формальных институтах власти – управление осуществляется через институт Тана и Бургомистра. «Хоббиты считались королевскими подданными, пока не пали короли, хотя на самом деле в Заселье было *самоуправление*, и хоббиты *не имели никакого касательства к событиям, что происходили во внешнем мире*. ... Хоббиты называли свой край Засельем, разумея под этим, что данный край заселен народом, *умеющим организованно вести свои дела, и что на всю его территорию распространяется власть избранного ими Тана»* [5, с. 227] (курсив наш. – *В. П., К. С.)*. Здесь, как нам представляется, в продолжение дискуссии о признаках государства уместна одна терминологическая оговорка относительно того, что, квалифицируя Шир как негосударственную политико-правовую организацию, мы вместе с тем не отрицаем наличия в нем права (оно, как будет показано ниже, представлено в форме традиционного правопорядка), а лишь фиксируем отсутствие государственной монополии на легитимное принуждение.

Отметим, что институт Тана представляет собой наследственный титул, традиционно закрепленный за кланом Тукков (точнее за главой данного клана), который в свое время перешел к ним от клана Старобэков. Тан выполняет функции председателя Всеобщей Засельской Сходки (она представляет собой всеобщую сходку у хоббитов), а также осуществляет смотр войск и набор Ополчения. Однако поскольку надобность во всем этом возникает лишь в случаях крайней необходимости (например, в случае внешней угрозы), данная должность носит скорее символический и церемониальный характер («...титул Тана оставался чисто парадным» [5, с. 234–235]), нежели предполагает наличие у ее обладателя реальных властных полномочий. Из чего можно сделать вывод, что должность Тана в Шире номинальна.

Наиболее значимой и единственной официальной должностью в Шире является должность Бургомистра (также встречаются такие варианты наименования, как мэр, Голова, городской глава) Мичел Делвинга**, который одновременно также является и Бургомистром всего Шира. Он избирается раз в семь лет и совмещает в себе функции постов Почтмейстера и Главного Шерифа, возглавляя тем самым одновременно Почтовую и Сторожевую Службы. При этом, как отмечается в «Прологе», других Служб в Шире

* Стоит отметить, что если хоббиты и вправду отправляли отряд лучников, то это все равно не была регулярная армия Шира. Мы акцентируем внимание на этом моменте не случайно, т. к. при рассмотрении данных вопросов на учебных занятиях армия, как правило, предстает в качестве одного из основных структурных элементов аппарата принуждения в государстве.

** Мичел Делвинг – главный город Шира.

и не было. В число основных обязанностей Бургомистра также входит председательствование на значимых общих праздниках Шира, которые, следует заметить, проводятся довольно часто. Этим, по сути, исчерпываются его полномочия и обязанности, и, что особенно важно подчеркнуть, они не предусматривают мер принуждения.

Таким образом, социально-политическое устройство Шира по форме правления ближе к модели самоуправляемой общины (общинной демократии), принципиально отличной от государства в его традиционном понимании. Однако клановая структура, лежащая в основе социальной организации хоббитов, и ограниченность представительных институтов в Шире (фактически сводящихся к роли наследственного титула Тана и выборной должности Бургомистра) формируют систему с элементами: 1) неформальной олигархии (влияние знатных, состоятельных кланов, например Тукков или Брендибэков, на принятие ключевых решений) и 2) «мягкой аристократии» (власть Тана и Бургомистра носит преимущественно символический и делегированный характер при полном отсутствии механизмов принуждения). Сам же Дж. Р. Р. Толкин определял социально-политическое устройство Шира (по форме правления) как полуреспубликанское, полуаристократическое [6, с. 353]. Не случайно подобное устройство «прижилось» у хоббитов, ведь, как отмечал, например, Ж.-Ж. Руссо в своей работе «Об общественном договоре или принципы политического права», для формирования эффективного правительства (в данном случае мыслитель рассматривал демократический тип правительства, исключающий институт представительства) необходимо, чтобы (1) само государство было малым, чтобы имелась реальная возможность легко собрать народ, и где каждый гражданин знал бы других граждан. Также важны (2) простота нравов, т. к. именно она способствует минимизации социальных конфликтов, и (3) имущественное равенство, как необходимое условие политического равенства (в правах и власти). И наконец, (4) малость или полное отсутствие роскоши является принципиально значимым для формирования подобного правительства, поскольку ее наличие, как следствие избыточных богатств, развращает общество, порождая зависимость от него (богатства) и подменяя гражданские добродетели сугубо частными интересами [9, с. 65]. Именно совокупность данных условий, по мнению Ж.-Ж. Руссо, предстает в качестве надлежащей основы для формирования и развития устойчивого и справедливого государства, каким во многом и был Шир в глазах автора «Властелина Колец». Но «[т]акое совершенное правительство не годится для людей» [9, с. 65], – делает вывод Ж.-Ж. Руссо, и, быть может, по этой причине подобная политическая организация в наиболее близком к идеалу варианте стала возможной именно в обществе хоббитов (здесь не стоит забывать о роли традиций в организации жизненного уклада хоббитов).

Ставя вопрос об иных формах социально-политического устройства Шира, остановимся на рассмотрении особенностей его политического режима и территориальной организации.

Политический режим Шира, как следует из сказанного выше, можно определить как демократический, но с элементами традиционализма. Демократические черты проявляются в избрании Бургомистра на Вольной Ярмарке (раз в семь лет), что указывает на участие хоббитов в процессе принятия политических решений. Однако институт Тана, передаваемый по наследству внутри клана Тукков, свидетельствует о сохранении традиционных элементов, где авторитет основывается на традиционной (с элементами исторической) легитимности [8, с. 255], уважении и богатстве клана. В этом смысле политический режим Шира сочетает элементы прямой демократии с аристократическими традициями, что делает его рассмотрение весьма интересным, особенно в контексте дисциплин теоретико-исторического правового блока. Здесь допустимо провести параллель с древнегреческими полисами, где так же сочетались демократические институты (например, народные собрания) и элементы аристократического управления (влияние знатных родов).

Территориально Шир разделен на четыре Предела или, как можно встретить в других переводах, Удела, Чети (Северный, Южный, Восточный и Западный), к которым примыкают Окраины (Восточная и Западная), Бэкланд и Западные Плавни (они отошли к Ширу лишь в 1462 г.). В свою очередь, каждый Предел состоит из множества округов, именовавшихся преимущественно по фамилии клана, первоначально его заселившего.

Такое деление Шира напоминает административно-территориальную структуру, однако, по сути, представляет собой результат органичного исторического расселения клановых групп, не связанного с целенаправленным территориальным управлением (административным подчинением). Таким образом, каждый округ имеет определенную автономию, т. к. управление осуществляется на уровне местных кланов («Кланы были, как правило, предоставлены самим себе и занимались своими делами» [5, с. 234]), что подчеркивает децентрализованный характер Шира.

Далее рассмотрим особенности правовой системы Шира, которая в самом общем виде представляет собой уникальный пример традиционного правопорядка, основанного на добровольном соблюдении древних норм (некоего свода Правил), обычаев и традиций. В «Прологе» по этому поводу написано следующее: «Сами же хоббиты возводили ко временам Королей все свои древние законы и *соблюдали их добровольно*, поскольку считали Правила (т. е. свод законов) столь же справедливыми, сколь и древними» [5, с. 234] (курсив наш. — *В. П., К. С.*). Так, в отличие от привычных нам государств с формализованным законодательством и принудительным исполнением установленных правовых предписаний (в тех случаях, когда это необходимо), право хоббитов, а точнее его соблюдение, базируется на принципах добровольности, консенсуса, уважения к традиции и коллективной памяти. Применительно к последнему отметим, что в данном случае прослеживается четкая связь между следованием данному принципу — уважение к традиции и коллективной памяти — и реализацией правом мемориальной функции, что проявляется в воздействии права «на индивидуальную и коллективную память, целью которого является формирование общего исторического нарратива, сохранение исторической памяти коллективов различных социально-территориальных уровней, а также ее преобразование с учетом задач, стоящих перед обществом на текущем этапе» [10, с. 33]. Для хоббитов, как мы уже определились ранее, такое положение дел в организации их жизненного уклада представляет особую ценность. Поэтому в качестве основного источника права в Шире выступает не юридически оформленная система норм, а устно передаваемый из поколения в поколение свод Правил, который, по убеждению жителей Шира, обладает легитимностью в силу своей древности и справедливости. Также важными регуляторами общественной жизни у хоббитов являются обычаи и традиции, определяющие типовые модели поведения и обеспечивающие в результате этого необходимый уровень порядка (и определенности) как внутри кланов, так и во всем Шире.

Важной чертой правовой системы Шира является добровольный характер соблюдения существующих правил поведения. Хоббиты не нуждаются в жестком аппарате принуждения, поскольку закон (в лице древнего свода Правил) воспринимается ими как естественная и неотъемлемая часть их повседневной жизни. Такой порядок вещей свидетельствует о высокой степени социальной сплоченности и внутренней дисциплины (самодисциплины), характерной для хоббитского общества. Ведь даже после упадка северного королевства с его столицей в Норбери (Форносте) хоббиты продолжали соблюдать древние законы Королей (свод Правил), что свидетельствует об их приверженности традициям.

Осмелимся предположить, что существующий свод Правил, а также обычаи и традиции Шира были направлены преимущественно на разрешение вопросов землепользования, собственности, торговых и семейных отношений, что в целом соответствует аграрному укладу жизни самих хоббитов: «Большая часть их времени уходила обычно на то, чтобы вырастить еду, а потом съесть ее... Основные их занятия — домашнее хозяйство, работа на ферме или в мастерской, мелочная торговля — не менялись из поколения в поколение» [5, с. 234]. Детали судопроизводства и механизмы разрешения споров у хоббитов остаются для нас нераскрытыми в должной мере, в связи с чем можно выдвинуть гипотезу относительно того, что судебные функции как один из возможных вариантов реализовывались на местном (локальном) уровне главами кланов или выборными должностными лицами (например, хоббитами, которые, по мнению остальных, обладали необходимым уровнем почтенности [11, с. 62]).

В контексте наших рассуждений весьма любопытным является тот факт, что при всей кажущейся простоте правовой системы Шира, последняя характеризуется тем, что хоббиты очень щепетильно подходят к вопросу составления (оформления)

правовых документов, демонстрируя в такие моменты удивительно развитую для существ подобного толка юридическую технику. Анализ эпизода с завещанием Бильбо Бэггинса (спор по поводу наследства между Отто Саквилль-Бэггинсом и Фродо Бэггинсом) позволяет выявить несколько характерных особенностей: во-первых, строгий формализм процедуры (обязательное наличие семи свидетелей при составлении завещания), во-вторых, использование специальных средств удостоверения (подписи должны быть выполнены красными чернилами), что обеспечивает надлежащую аутентификацию документа. Как отмечается в тексте «Властелина Колец»: «Изучив завещание вдоль и поперек, он разочарованно фыркнул. Увы, бумага не оставляла места кривотолкам и составлена была так, что не подкопаешься (хоббичьи законы требуют, кроме всего прочего, чтобы под ценным документом значились подписи семи свидетелей, причем красными чернилами)» [5, с. 274–275].

Данные особенности составления правовых документов, как следует из приведенной цитаты, свидетельствуют о выработанном у хоббитов механизме предотвращения юридических споров в подобных случаях, что особенно важно для общества, в котором правовая практика основана на следовании традициям, а не подкрепляется (обеспечивается в случае необходимости) принуждением. Здесь также стоит вспомнить пример из «Хоббита», когда Бильбо Бэггинс заключает договор (контракт) с гномами, нанимаясь к ним в качестве профессионального Взломщика* [12, с. 349].

Примечательно, но подобные формальности не порождают излишней бюрократизации, а служат в первую очередь практическим целям – обеспечению ясности и неоспоримости правовых документов.

Актуализируя проблему поддержания общественного порядка (правового порядка) и безопасности, отметим, что выполнение данных функций в Шире возлагалось на небольшую по численности Сторожевую Службу, возглавляемую Бургомистром в роли Главного Шерифа. В рамках этой службы можно выделить два вида сотрудников: Шерифы и Обходчики. В самом общем виде их задачи сводятся к урегулированию мелких споров и защите границ от «чужаков», что подчеркивает скорее охранительный, а не репрессивный характер их деятельности. Как отмечает Дж. Р. Р. Толкин, описывая особенности службы Шерифов: «Шерифами хоббиты именовали тех, кого мы с вами после некоторых колебаний назвали бы, наверное, полицейскими» [5, с. 235], и далее: «...урезонивать непутевую скотину им приходилось гораздо чаще, чем какого-нибудь непутевого хоббита» [5, с. 235]. Всего их во всем Шире было двенадцать (по три на каждый Предел), что, конечно же, подчеркивает минимальную потребность в контроле со стороны властей. Основная функция Шерифов – поддержание внутреннего порядка. Они, скорее, предстают в качестве общественных помощников в мире хоббитов, нежели строгих блюстителей «закона». Для защиты границ Шира существует второй вид сотрудников – Обходчики, их штат был куда больше, чем штат Шерифов, и эти количественные показатели напрямую зависели от внешних угроз. Так, например, к тому моменту, когда начинается развитие основной истории в мире «Властелина Колец», штат Обходчиков был значительно расширен, т. к. все чаще «с окраин поступали тревожные сообщения о подозрительных личностях и странного вида тварях, шастающих в приграничье» [5, с. 236]. Их основная функция заключалась в том, чтобы следить на границах за «чужаками» и предотвращать внешние угрозы.

Осуществляя же сравнительный анализ Шира с историческими аналогами** , допустимо заключить, что его политическое устройство и социальное регулирование ближе к модели самоуправляемой общины, чем к государству в традиционном смысле.

Так, подобно хоббитам, англосаксонские общины раннего Средневековья характеризовались децентрализованным управлением, где местные лидеры (например,

* Об особенностях контрактов, в частности языковых, между Бильбо Бэггинсом и гномами, см. подробнее комментарий М. Каменкович и В. Каррика.

** Здесь важно понимать, что, проводя подобного рода параллели (как и ранее при сравнении Шира с древнегреческими полисами), мы ни в коей мере не стремимся к полному отождествлению и не растворяем уникальность Шира в типологически близких исторических примерах. Задача сравнительного анализа в данном случае прямо противоположна и сводится к тому, чтобы высветить эту уникальность через сопоставление с тем, что, казалось бы, лежит на поверхности в качестве очевидного аналога, но при более детальном рассмотрении обнаруживает принципиальные расхождения.

элдормены) выполняли функции, схожие с Таном, координируя деятельность общины и представляя ее интересы. Англосаксонские общины также опирались на обычное право и коллективное принятие решений, что соответствует описанию добровольного соблюдения свода «Правил» в Шире. Однако, в отличие от англосаксонских общин, которые со временем интегрировались в централизованные королевства, Шир сохраняет свою автономию и изолированность, что обусловлено как географическими, так и культурными факторами.

Выводы и обобщения. Таким образом, проведенный анализ политико-правового устройства Шира демонстрирует, что его организация представляет собой уникальный синтез общинной демократии, традиционного правопорядка и «мягкой аристократии», что позволяет говорить о нем как о негосударственной форме политической организации. В отличие от классических государственных моделей (по М. Веберу), Шир функционирует на основе добровольного соблюдения социальных норм, консенсуального управления и клановой автономии, что исключает необходимость в формализованном аппарате принуждения.

Такие ключевые особенности Шира, как децентрализованная власть (символический институт Тана и ограниченные полномочия Бургомистра), правовой традиционализм (связь легитимности с традициями) и минимализм принудительных институтов (Сторожевая Служба как охранительный, а не репрессивный орган), сближают его с историческими аналогами англосаксонских общин и древнегреческих полисов, но с тем принципиальным отличием, что ему не свойственна внешнеполитическая субъектность (в частности, военно-политическая активность). Это подтверждает тезис о том, что Шир является «закрытой» саморегулируемой системой, устойчивой лишь в условиях изоляции и культурной однородности.

При этом проанализированная модель уязвима к внешним вызовам (например, вторжение Сарумана), поскольку ее стабильность зависит от консервации социальных условий (простота нравов, имущественное равенство, клановая солидарность) и отсутствия вмешательств извне. Таким образом, Шир иллюстрирует пределы эффективности традиционного правопорядка, который оптимален для малых, статичных обществ, но требует адаптации или внешней защиты при столкновении с динамичными политическими системами.

В контексте дисциплин теоретико-исторического правового блока Шир представляет ценность как пример сальтернативной формой социального регулирования, где право выполняет не столько принудительную (в контексте собственно-юридических функций Т. Н. Радько [13, с. 131–227]), сколько мемориальную функцию, обеспечивая тем самым преемственность правовых норм и ценностей через коллективную память. Кроме того, в контексте наших рассуждений вполне корректно ставить вопрос о необходимости пересмотра проблемы легитимности власти в условиях отсутствия формального суверенитета, а также роли культурного компонента в формировании правовых систем.

В завершение отметим, что предложенная нами аналитическая модель (и образовательный подход) применима и к другим политическим образованиям Средиземья: к централизованной сакральной монархии Гондора, военно-аристократическому строю Рохана с его вождизмом и вассальными связями или тоталитарной системе Мордора, где власть зиждется на сакральном культе Темного Владыки (Саурона), абсолютном контроле и системном подавлении. Расширение исследования за счет включения других структур (Изенгард, эльфийские владения и королевства гномов) позволит не только выявить уникальные особенности политико-правовой организации толкиновского мира, но и продемонстрировать обучающимся универсальные закономерности взаимосвязи власти, права и культуры в контексте альтернативных социально-политических систем.

Пристатейный библиографический список

1. Толкин Дж. Р. Р. Чудовища и критики и другие статьи : пер. с англ. / под ред. К. Толкина. М. : Elsewhere, 2006.

2. Попов В. И., Ситников К. А. К вопросу об осмыслении государственно-правовых явлений через призму сказочно-фэнтезийных нарративов // Вестник Воронежского института МВД России. 2025. № 3. С. 268–278.

3. Попов В. И., Ситников К. А. Волшебное зеркало права и государства: сказочно-фэнтезийные нарративы как инструмент современного юридического образования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 4. С. 21–31.
4. Малько А. В. Правовая жизнь общества: междисциплинарный подход к ее исследованию // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 75–82.
5. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец: трилогия : в 2 кн. Кн. 1, ч. 1 : Содружество Кольца / пер. с англ. В. Каррика, М. Каменкович. М. : АСТ, 2025.
6. Толкин Дж. Р. Р. Письма / пер. с англ. С. Б. Лихачевой. М. : АСТ, 2019.
7. Бонналь Н. Толкиен : Мир чудотворца / пер. с франц. М. : София : ИД «Гелиос», 2003.
8. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1 : Социология / пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
9. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. М. : Юрайт, 2023.
10. Ситников К. А. Мемориальная функция права: к постановке проблемы // История государства и права. 2025. № 1. С. 32–40.
11. Шиппи Т. Дж. Р. Р. Толкин: автор века. Филологическое путешествие в Средиземье / пер. с англ. М. : Никея, 2023.
12. Толкин Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и Обратно / пер. с англ. М. Каменкович, В. Степанова. М. : АСТ, 2014.
13. Радько Т. Н. Теория функций права. М. : Проспект, 2014.

References

1. Tolkin Dzh. R. R. CHudovishcha i kritiki i drugie stat'i : per. s angl. [Monsters and Critics, and Other Articles. Translated from English] / edited by K. Tolkien. M. : Elsewhere [Publishing house], 2006.
2. Popov V. I., Sitnikov K. A. K voprosu ob osmyslenii gosudarstvenno-pravovyh yavlenij cherez prizmu skazochno-fentezijnyh narrativov // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii [On Understanding State-Legal Phenomena through the Prism of Fairytale-Fantasy Narratives. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2025. No. 3. Pp. 268–278.
3. Popov V. I., Sitnikov K. A. Volshebnoe zerkalo prava i gosudarstva: skazochno-fentezijnye narrativy kak instrument sovremennogo yuridicheskogo obrazovaniya // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii [The Magic Mirror of Law and State: Fairytale-Fantasy Narratives as a Tool of Modern Legal Education. Bulletin of the Saratov State Law Academy]. 2025. No. 4. Pp. 21–31.
4. Malko A. V. Pravovaya zhizn' obshchestva: mezhdisciplinarnyj podhod k ee issledovaniyu // Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya [Legal Life of Society: An Interdisciplinary Approach to Its Research // State and Legal Studies]. 2020. No. 3. Pp. 75–82.
5. Tolkien J. R. R. Vlastelin Kolec: trilogiya : v 2 kn. Kn. 1, ch. 1. : Sodruzhestvo Kol'ca [The Lord of the Rings: A Trilogy in 2 Books. Book 1, Part 1: The Fellowship of the Ring] / translated from English by V. Karrik, M. Kamenkovich. M. : AST [Publishing house], 2025.
6. Tolkien J. R. R. Pis'ma [Letters] / translated from English S. B. Lihacheva. M. : AST [Publishing house], 2019.
7. Bonnal N. Tolkien : Mir chudotvorca [Tolkien: The World of the Miracle Worker] / translated from French. M. : Sofiya : ID «Gelios» [Publishing house], 2003.
8. Veber M. Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii: v 4 t. T. 1 : Sociologiya [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: in 4 volumes. Vol. 1: Sociology] / translated from Germ.; compiled, general editorship and foreword by L. G. Ionin; National Research University «Higher School of Economics». M. : Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki [Publishing House of the Higher School of Economics], 2021.
9. Russo ZH. ZH. Ob obshchestvennom dogovore ili principy politicheskogo prava [On the Social Contract, or Principles of Political Law]. M. : YUrajt [Publishing house], 2023.

10. Sitnikov K. A. Memorial'naya funkciya prava: k postanovke problemy // Istoriya gosudarstva i prava [Memorial Function of Law: Towards the Formulation of the Problem // History of the State and Law]. 2025. No. 1. Pp. 32–40.

11. SHippi T. J. R. R. Tolkien: avtor veka. Filologicheskoe puteshestvie v Sredizem'e [. R. R. Tolkien: Author of the Century. Philological Journey to Middle-earth] / translated from English. M. : Nikeya [Publishing house], 2023.

12. Tolkien J. R. R. Hobbit, ili Tuda i Obratno [The Hobbit, or There and Back] / translated from English by M. Kamenkovich, V. Stepanov. M. : AST [Publishing house], 2014.

13. Radko T. N. Teoriya funkcij prava [Theory of functions of law]. M. : Prospekt [Publishing house], 2014.

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 25.03.2026; принята к публикации 03.04.2026.

The article was submitted to the editorial office on 10.03.2026; approved after review on 25.03.2026; accepted for publication on 03.04.2026.